

Роза Сергазиева

Вспомнить, чтобы... забыть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергазиева Р.** Вспомнить, чтобы... забыть / Роза Сергазиева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 310 с.

ISBN 978-5-458-69524-4

Острюжетный научно-фантастический роман (серия «ДетектиФ»). В наземном эксперименте, имитирующем полет на Марс, участвуют пятеро испытателей. Промчались 520 дней полной изоляции. Последний сеанс связи с «Землей», последняя ночь на борту станции. Останавливается электронное табло, отсчитав 12.480 часов «полета». Открывается выходной люк. Мужчины, соскучившиеся по солнечному свету, по родным и близким, готовы обнять встречающих. Но... в ангаре царит полная тишина. Не играет оркестр, ни один человек не торопится приветствовать героев. Что произошло? Неужели Земля пережила катастрофу, человечество погибло, и в живых остались только пятеро испытателей? А может быть, «марсонавты» и встречающие собрались в ангаре в одно время, но... в разных измерениях? Нет, это было бы слишком просто...

ISBN 978-5-458-69524-4

© Lennex Corp, 2013
© Р. Сергазиева, 2013

ЧАСТЬ I

«Марс-12.480»

Пролог

Кто я?..

Как меня зовут?..

Простые вопросы для любого человека, но только не для меня. Такое ощущение, что я стою, прислонившись спиной к глухой стене. Мир передо мной – уравновешен и понятен. Я вижу его, ощущаю, слышу. Я различаю цвета – ноги скользят по *коричневому* линолеуму, а подоконник *матовый*; прикладываю ладонь к стеклу и понимаю, что оно *холодное*, а чай в стакане *чуть теплый*; могу отличить звук проезжающей машины, когда мотор упрямо *бухтит* на подъеме, от *грохота* тележки, подскакивающей на неровном полу больничного коридора. Но вот мир позади меня, за высокой «стеной» – неизведанная черная бездна. Она - огромна, она - бесконечна, в ней погребена моя так называемая жизнь «до». Словно, я существую только *сейчас*, и меня никогда и нигде не было *раньше*.

Но ведь люди не рождаются сразу с сединой в волосах. У каждого есть прошлое, оно скапливается в некой потайной «шкатулке», которая называется *воспоминания*. Когда человеку грустно и одиноко, как сейчас мне, он погружается в воспоминания, как бусины-четки перебирает картинки-образы, отыскивая среди тысяч эпизодов наиболее яркие, теплые, светлые. Прошлое помогает ощущать себя в настоящем уверенно. Будто страховка, оно поддерживает человека опытом, знаниями, сравнениями того, что есть, с тем, что осталось позади. И соответственно подсказывает, как поступить в той или иной ситуации.

А что делать мне?

Мои воспоминания исчезли, словно кто-то нажал клавишу на компьютере, дав команду «Стереть!». И позади - лишь провал. Он держит меня у невидимой стены, от которой я не в силах ото-

рваться. Как идти вперед, если понятия не имеешь, что пережил раньше? Если потерял воспоминания? Да и я сам - потерялся.

Вместо картинок прошлого, которого меня лишили, перебираю в уме нелепые, с точки зрения нормальных людей, вопросы. Кем я был по другую сторону стены? Кому был другом? Был ли кому-то дорог? Кого любил? Кого ненавидел? Ищет ли меня кто-то? Вопросы выстраиваются в длинную цепочку. Но ни на один из них у меня нет ответа.

Подолгу смотрюсь в зеркало. В надежде, что на лице отражения мелькнет искра узнавания. Но это чудище напротив ничего не напоминает. Сплошные шрамы, рубцы, вместо одного глаза – пустая впадина, другой – бесцветно усталый, на голове клочки седых волос.

Кстати, седина – признак пожилого возраста или последствия перенесенной трагедии? Не имею понятия. Если дотронуться до щеки, чувствую гладкую корочку новой кожи. А как выглядела старая? Не помню.

Кто этот человек в зеркале? Я? А кто такой я? Не знаю.

Рассматриваю руки. Может быть, родинки, мозоли или формы пальцев подскажут, кому они принадлежат? Кто по профессии их хозяин? Как некие особые приметы. У музыкантов, например, пальцы длинные и легкие, у работяг – ладони грубые, тяжелые. А мои украшены теми же, как на лице и по всему телу, неприятными шрамами. Я похож на топографическую карту пересеченной местности. У такой тоже нет прошлого. Есть только сиюминутная «внешность».

Суть человека по шрамам не определить.

Вокруг ходят люди. Не имею ни малейшего представления, знал ли их раньше. Неразрешимая загадка: их лица и окружающие меня предметы – привычная для меня обстановка или экстремальная ситуация? Некоторые подходят и интересуются, *как мое имя*. Но я не в состоянии ответить. Попросил принести «Словарь имен». Толстенная книжица. Потратил несколько дней, тщательно изучил каждую страницу, от буквы «А» до буквы «Я». Надеялся, что увидев одно из имен, моментально

прозрею. Ведь имя – то, чего невозможно лишить человека, с ним он рождается, живет и умирает. Многие считают, что имя определяет судьбу человека. Но, увы, сердце ни разу не дрогнуло. Либо моего имени нет в словаре, либо оно осталось в воспоминаниях и поэтому, как и они, не доступно.

Говорят, что вернуть информацию о прошлом способны сны. Ночью, когда мышцы расслаблены, включается подсознание. Но у меня какое-то странное подсознание. Оно не стремится спасти хозяина и вытащить из запасников образы людей, которых я знал, мест, где бывал или жил. Мои сны – беспорядочная смена красок и эмоций. Всполохи и вспышки. Всё абстрактно и неконкретно. Метаюсь в поту – в моих снах черноту сменяет огонь. Я либо пылаю как факел, либо проваливаюсь в бездонную темноту. И каждую ночь чувствую, как по спине ползет страх, медленно он добирается до горла и вгрызается в плоть липкими пальцами. Мне трудно дышать. Я кричу. Прорываюсь и продолжаю кричать.

В какие забавы играет со мной подсознание?

Я часто замираю у окна. Пространство по ту сторону рамы поглотила зима. Она материальна, свисает с неба хмурым *туманным* занавесом. Видно только покрытую твердым слоем снега поляну и черные деревья на дальней ее границе. Потом - ничего. А вдруг на Земле за этими деревьями и в самом деле космическая пустота?

И мир есть лишь то, что вижу я?

Снег начинает валить хлопьями. Обрамленный оконным периметром зимний пейзаж резко меняется, на заднем плане исчезает полоска деревьев, погребенная за плотной, практически непрозрачной стеной. Она состоит из миллиарда легких белых «бабочек», соревнующихся в скорости падения. В голове, вдогонку безумному танцу, кружится строчка: «*Окно. Больница. Снег. Деревья*». Я повторяю ее раз за разом. Мне кажется знакомым «рубленный» ритм. Он логически рождает другую строчку: «*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*». Это стихи! Я знаю их. Или правильное сказать: *знал*? Почему четырехсложная строка вдруг

всплыла в голове? Почему воспоминание блеснуло так кратко и так бесполезно?

А снег все усиливается. И уже кажется, что мое окно – граница мира. За ним ничего нет. Остались только снег, стекло и я.

Я?

Кто же я?..

Как меня зовут?..

Глава 1

МИРОМ правит хаос.

Снежинки, и несть им числа, летают, презирая закон всемирного тяготения: не вниз, а в разные стороны и даже вверх. Неужели мы стали свидетелями вселенского катаклизма? Вдруг Земля сорвалась с орбиты и повисла как воздушный шарик в космической бездне? Верх и низ перепутались, перемешались и ввели в заблуждение сыплющиеся с неба снежинки.

Белозеров, облокотившись о подоконник, наблюдал, как постепенно исчезал-таял дом напротив. Сначала пропала за снежной пеленой стена, до последнего держались прорисованные прямоугольники окон, но и они сдались под напором стихии.

В плечо ткнулась теплая мордочка: к хозяину на подоконник впрыгнула кошка Фрося. Артем погладил удобно подставленную спинку, и уже вместе с Фросей продолжил наблюдение за Вселенной. Человек и кошка следили за «неправильным» передвижением снежинок, выбирали самые крупные и провожали их взглядом до границы видимого мира.

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышался шум. Но ни Фрося, ни Белозеров от окна не оторвались, они знали: только один человек может так запросто потревожить их компанию - Данила Харебин, аспирант Белозерова. Давно свой, во все тайны посвященный. Поэтому его приход особых почестей не требует. Человек и кошка лишь дружно повернули в молчаливом приветствии головы, как только Данила появился в комнате. И опять вернулись к событию за стеклом.

- Вот это кадр! – восхищенно воскликнул гость и полез в сумку за фотоаппаратом. – Картина в стиле Рене Магритта! Стойте, не шевелитесь, забудьте обо мне.

Харебин поймал в объектив окно, две темные фигуры на светлом фоне и принялся щелкать кнопкой, запечатлевая сценку с нескольких точек с разным удалением.

- Размещу на своей страничке в интернете, - комментировал Данила, пританцовывая вокруг героев съемки, - вполне конкурсный сюжет. Так и назову: «Человек и кошка».

- «Рядом у окошка», - в рифму пропел Белозеров, потрепал за уши пушистую Фросю и, повернувшись к Даниле, вопросительно выдохнул: - Пора?

- Машина у подъезда, - кивнул Харебин, закрывая крышкой объектив. - Как договаривались, я вас подвезу. Не передумали, Артем Николаевич?

- Что имеешь в виду? – Белозеров подошел к дивану, затянул на приготовленной сумке молнию.

Кошка следом прыгнула с подоконника и, быстро перебирая лапками, побежала за хозяином.

- Доверяете мне свою жилплощадь? – Данила спрятал фотоаппарат в футляр. – Так надолго?

- Прекрати переживать попусту, - к ногам Артема жалобно прижалась Фрося, знающая: если из кладовки вытаскивается черная сумка, значит, хозяин уезжает. – Подумай головой, прежде всего в выигрыше я сам. Коммунальные услуги оплачивать не придется, тратиться будешь ты. Специальную охрану нанимать нет необходимости, за квартиру опять же ты отвечаешь. Плюс присмотришь за моей любимицей, - Белозеров нагнулся, подхватил на руки кошку и уперся лбом в мурлыкающую мордочку. – Ты не чужой Фросе, она тебя знает. К тому же, зачем в общежитии маяться? Сможешь нормально, спокойно пыхтеть над диссертацией. Фрося хлопот не доставит, она барышня интеллигентная, тихая.

Кошка, стандартного городского окраса – черно-белая, принадлежала к благородному семейству «охранных» живот-

ных. Мяукающее племя завелось в Центре космической медицины, где трудился Артем, в неизвестные времена и строго следило за популяцией вредных грызунов. Причем кошки, по только им известным признакам (не по цвету уж точно), легко определяли, где мыши лабораторные, и их не трогали, а где подвальные, которых безжалостно уничтожали.

Периодически Мурки обзаводились потомством, и сердобольные сотрудницы пристраивали котят по знакомым и родственникам. Так однажды черно-белый комочек вручили Даниле, как недавно появившемуся в институте, но аспирант, сославшись на строгие условия проживания в общежитии, уговорил приютить кошку на время написания диссертации своего руководителя. Но постепенно совершенно забылось, кто изначально считался хозяином Фроси. Белозеров привязался к кошке, как и она к нему.

- А если заявится Стихийнобедствие – то бишь ваша жена и потребует освободить жилплощадь? – нахмурился Данила и сам внутренне содрогнулся, представив явление Тамары Белозеровой. Он столкнулся с женщиной лишь однажды, но и этого с лихвой хватило.

- Ты забыл добавить *бывшая* жена, - уточнил Артем, - Мы давно в разводе. Прав на эту квартиру она никаких не имеет. Но на всякий случай, если экспедиция завершится... трагически – все может быть, я составил завещание, в твою пользу. Из родственников у меня никого. А так хоть о Ефросинье позабочусь.

И Белозеров, опустив кошку на пол, перекинул сумку через плечо.

Кажется, в Центре космической медицины (ЦКМ) не было сотрудника, который бы не знал о существовании Тамары Белозеровой. Артем – заведующий лабораторией мозга, заядлый сорокалетний холостяк (местные дамы, попусту растратив на него запасы обаяния и убедившись, что мужчина не пробиваем, давно махнули на нейробиолога рукой) несколько лет назад неожиданно привез из командировки жену. После двухнедельного отсутствия Белозеров пришел на работу в сопровождении деви-

цы лет двадцати восьми и объявил озадаченным сослуживцам: мол, знакомьтесь, Тамара, супруга.

Прекрасная половина института пожимала плечами и строила догадки: какими талантами обладала провинциалка, что умудрилась за пол месяца не только охмурить твердолобого женоненавистника, но и довести его до ЗАГСа? Внешность тут ни при чем. Тамара – прямо сказать не красавица, тощая и длинная, нос курносый, волосы забытого после многочисленных перекрашиваний цвета, очки на носу. Нет, здесь дело не чисто, перешептывались кумушки. Наверняка, девица беременна. Причем, не от Белозерова, за неделю ребенка может и получится сделать, только узнать об этом нельзя. Скорее всего, Тамара вцепилась мертвой хваткой в первого попавшегося на пути мужика и заставила поставить в паспорт печать о браке. Ничего, пройдет пара месяцев и ситуация разъяснится. Сотрудницы, сначала позавидовавшие Тамаре (умеют же некоторые!), потом стали жалеть Артема: надули хорошего человека.

Белозеров уговорил Федора Найдёнова - руководителя Центра взять Тамару на работу, в качестве секретарши. Но это в штатном расписании девица значилась секретарем-машинисткой, сама же себя она считала никак не меньше помощника директора. Тамара жестко отбирала тех, кого допускала к телу начальника (особенно тщательно просеивала женщин), отслеживала его переговоры по телефону, выговаривала людям, которые нанесли чуть ли не оскорбление, опоздав на совещание к главному.

Теперь сотрудницам впору было уже не Белозерова жалеть, а себя. Тамара, дама злопамятная, прозванная остроусловыми *Стихийнобедствием*, внесла в черный список несколько фамилий тех, кто скептически воспринял ее появление, и убедила шефа вычеркнуть несчастных из претендентов на премию.

Белозеров пытался вразумить супругу, но она лишь презрительно фыркала и через полгода (никакой беременности, как выяснилось, не существовало) объявила, что требует развода, потому что собирается выходить замуж *дальше*. Так и сказала:

«Дальше». Следующий кандидат – Найдёнов. «Но он женат!», - поразился наглости девицы Артем. «Мужчины любят создавать вокруг себя мифы. Ты тоже, помнится, слыл хроническим холостяком», - цинично заявила Тамара и протянула Белозерову перечень объектов, которые требовала оформить на ее имя. В том числе машину, дачу и московскую квартиру. В ответ Артем тут же составил завещание в пользу своего аспиранта.

Потом, натыкаясь на вещи, которые, уходя к директору, оставила Тамара (ей удалось Федора развести с супругой, выйти за него замуж и так же расстаться через год: впереди замаячила более значимая цель - сотрудник профильного министерства, курирующий работу Центра), злобно кидал в мусорное ведро и ругал себя на чем свет стоит за то, что потерял рассудок, познакомившись с Тамарой. Стыдно человеку, который профессионально разбирается в строении и работе мозга, утратить контроль над ситуацией и объяснять безумный поступок обывательской отговоркой: «Затмение какое-то нашло». Не солидно.

Тамара, отныне жена третьего (скорее всего, не последнего) несчастливца, продолжала звонить Артему, напоминать про список собственности и требовать денег. Она называла их *алименты*. Ведь именно Белозеров привез даму из провинции, *заставил* жить в Москве, а здесь другие требования к внешнему виду, другой образ жизни. Видимо, подобную «песню» она пела каждому из мужей. Но Артем, заслышав голос на автоответчике (трубку, как только определялся ненавистный номер, принципиально не поднимал), не перезванивал. А теперь, отправляясь в долгую экспедицию, надеялся забыть о совершенной когда-то глупости под названием «женитьба».

Нейробиолог поставил объемную сумку на заднее сидение автомобиля, сам устроился рядом с водителем. Данила вставил ключ зажигания, но поворачивать медлил.

- И все же не пойму, - пожал плечами аспирант, - зачем вам исчезать на целых полтора года?!

- Молодой еще, - посетовал ученый, - ничего в жизни не понимаешь. Считай, я на курорт отправляюсь. Вот посмотри на

улицу, - и Артем для наглядности даже опустил в машине стекло, - что видишь? Хлябь, сырость, серость, муть. В такую погоду ничего путного в голову не лезет. Но зато вернусь летом, в самое начало, 20-го июня. Красота! – Белозеров поежился от холода и поскорее закрыл окно. - Ну а если серьезно, я получил шанс спокойно, без нервотрепки поработать. Сам знаешь, Тамара меня этой возможности лишила. Да и компания намечается отличная. Мы с Мишей Прокловым, программистом, давно знакомы. Будем в свободное время играть в Го. Не удивительно ли? Нас – любителей древнекитайского развлечения только двое на весь Центр и мы оба попали в экипаж.

- Но ведь это не настоящая экспедиция, - продолжал недоумевать Данила. – Только для громкости называется «Марс-12.480». Вы даже не космонавты, а так, подопытные кролики, будете в изоляции сидеть, имитируя полет, словно шпроты в запаянной консервной банке.

- Да, мы называемся испытателями, - нехотя согласился Артем. - Но неужели тебе нужно объяснять прописные истины? Прежде чем человечество отправит людей к настоящему Марсу, кто-то на своей шкуре должен узнать, с чем придется столкнуться участникам длительного перелета.

Если честно, Артем Белозеров с детства мечтал стать космонавтом. Понимая, что есть только два вероятных пути попасть в отряд: из военных летчиков или из медиков, он поступил в медицинский институт. Проходил стажировку и затем устроился в лабораторию Центра космической медицины. И даже сумел прорваться в число кандидатов на место в отряде космонавтов. Но... срезался на медкомиссии. По сути, ерунда: желудок переваривал пищу дольше норматива. Только спорить бесполезно: мелочь на Земле может перерасти в трагедию на орбите.

Услышав неутешительный вердикт, Артем из Центра не ушел. В качестве медика сопровождал космонавтов к месту старта на Байконур. В специально построенной гостинице, где надрывно гудели кондиционеры (в казахстанской степи не бывает комфортной погоды: если лето – то пекло, если зима – страш-

ный мороз, а если весна – то метет песок, набиваясь в глаза, нос и уши, беспощадный ветер-афганец) Белозеров мерил членам экипажа и их дублерам давление, ставил градусники, заполнял предполетные листы о состоянии здоровья и по-хорошему завидовал парням. Увы, ему уже не посчастливится увидеть голубую планету со стороны.

Особенно нравилось Артему наблюдать за стартом ракет, которые отправлялись на орбиту поздно ночью. Небо над степью – неправдоподобно темное и безгранично звездное. И только вдалеке у линии горизонта горит под прожекторами поддерживаемая фермами, словно на весу, ракета. В полной тишине вспыхивает под ней огненный шар, через несколько мгновений до наблюдателей добирается громоподобный звук. Он оглушает, пригибает своей мощью к земле и не отпускает, пока ракета не расстанется с первой ступенью. Ты следишь за поднимающимся ввысь кораблем, и по щекам текут слезы сопричастности к чему-то непостижимому.

Космонавт – уникальная профессия, объединяющая вокруг себя десятки тысяч людей. Именно столько должны потрудиться, чтобы вывести корабль за пределы Земли. Белозеров, признанный негодным для полетов, занял место одного из десятков тысяч тех, кто работает на космос. Он сосредоточился на науке.

Артем заинтересовался деятельностью мозга в непривычных для людей условиях невесомости. Где масса тела равна нулю, человек путается в понятиях верх и низ. Где артериальное давление скачет и чаще снижено. Где сердце поначалу колотится как белка в колесе, но постепенно, приспособившись к маленькой нагрузке, наоборот, еле трепещет. В унисон ему дыхание: сначала космонавт дышит часто, словно бегун на дистанции, а затем сонно-редко вздыхает.

В естественной обстановке земного притяжения существует разница давления в верхней и нижней половинах туловища. Если «отталкиваться» от центра, от уровня сердца, то в ступнях давление на 100 мм рт. ст. выше, а в сосудах мозга на 30-40 ниже. В невесомости же кровь распределяется равномер-